

Колосов Игорь

Время на исходе

1

Время на исходе.

За ним следили – он почувствовал это. Станция метро бурлила народом. Он пробирался в скоплении людей, как меж валунов горной речки: толчок, увильнул, касание, увильнул, толчок. Он спешил – иначе нельзя. Заметить опасность можно лишь в последний момент. Так же, как и найти того, кого он ищет. Времени на подготовку не останется, надо действовать сразу, не задумываясь. Другого шанса не будет.

Ему мешала внутренняя дрожь. Это был страх – только не страх быть пойманным. Он опасался, что не вспомнит лицо того, за кем охотился. Секундное замешательство, но в мозг уже вонзились иголки-мысли, что провал его ждет из-за такой глупости. Он суматошно вытащил зеркальце из кармана куртки, сжимая его, чтобы, не приведи Господи, не выронить после очередного толчка или касания чьей-то руки. Он замер, всмотрелся.

Лицо человека лет под сорок, приятная, но ни чем не примечательная внешность. Короткая стрижка, большой лоб, карие глаза. Маленькая родинка под левым глазом.

Ему полегчало. Он постарался больше ни о чем не думать, крепче ухватился за одну-единственную мысль: уничтожить человека с таким же лицом. Неважно, кто это, зачем все это, неважно. Действовать! Он где-то здесь – ждет, как и было уговорено. И это – единственная возможность остановить катастрофу.

Он застыл, как напоровшись на неодолимую преграду. Тот, кого он искал, стоял спиной к нему в считанных метрах, среди ожидающих прибытия электрички. То, что надо. Нужно лишь затаиться, выждать. Поезд вот-вот появится – его единственное оружие.

Человек оглядывался. Он тоже высматривал его. Пришлось попятиться, отвернуться. Что-то смутило его во внешности жертвы, какая-то мелочь, но понять, что именно, он не успел. Сделав пару шагов назад, он замер, почувствовал чей-то взгляд. Медленно повернул голову. Точно. Мужчина в костюме смотрел на него в упор. Их взгляды встретились, и Костюм пошел ему навстречу. Ускоряя шаг. Преследователи! Как же без них!

Он рванулся прочь, краем глаза уловив еще одного в костюме. Костюм 2 не мешкал, помчался

за ним в открытую. Проклятье! Его отгонят от жертвы, он попросту не успеет. Он лавировал между людей, оттягивая неизбежное, надеясь, что шума и бегство останется для жертвы незамеченным, что позволит вернуться и довести задуманное до конца.

Костюм бросился за ним. Расстояние сокращалась, как и свободное пространство для отхода. Слева к платформе подошла электричка, распахнулись двери, выплеснув людской поток. Вовремя. Он рванул внутрь ближайшего вагона, расталкивая пассажиров, не обращая внимания на ответные тычки и восклицания, набравшие обороты. Костюм последовал за ним, и он тоже не церемонился.

Беглец пробирался к следующей двери, но оттуда появился Костюм 2. Он уже протягивал руку в надежде схватить беглеца, и тот толкнул на него девушку, проскользнул дальше. Стыдиться он будет позже, не до того. Он рванул к следующей двери. Если двери закроются, и он не успеет, его план не удастся. Жертва, не дождавшись его, уедет.

Кто-то из пассажиров ударил его, боль пронзила ребра, но не остановила его. Дверь уже близко. Однако в ней возник Костюм 3. Этот был крупнее, выглядел опасней. Секундное замешательство, и беглец выхватил у ближайшего

пассажира ноутбук, запустил им в Костюма 3. Пока тот секунду приходил в себя, беглец шагнул за пассажира, обхватил его, вместе с ним наваливаясь на Костюма 3. Тот отмахнулся, но удар пришелся в живой щит беглеца – в лицо пассажира. Несчастный взвыл. Беглец нанес удар ногой, попал Костюму 3 в колено. Тот согнулся. Беглец пихнул на него пассажира, они оба повалились.

Беглец выскочил на платформу, за спиной сошлись двери. Краем глаза он заметил в вагоне Костюма 2 – угодил в мышеловку. Улыбка растянула губы беглеца, но тут же исчезла – перед ним был Костюм. Успел выскочить из вагона. Беглец резко остановился, рванул в сторону, к противоположной платформе. Костюм выхватил пистолет, дуло длинное – глушитель. Кто-то из находившихся рядом заметил это, кто-то нет. Реакция людей была замедленная. Кто-то останавливался, кто-то рассматривал оружие, не снижая шага, но никто не кричал. Для этого нужно больше времени.

Он упал за мгновение до первого выстрела. Легкий шорох пули, выбившей осколки плитки у его ног. Беглец перекатился, вскочил, прыгнул в сторону, пытаясь, чтобы его закрыли посторонние. Костюм стрелял, не таясь. К нему присоединился Костюм 3. Беглец падал,

перекатывался, вскакивал, прыгал в сторону, прятался за прохожих. Люди разбежались, кто-то закричал. Шансы беглеца остаться невредимым уменьшались с каждой секундой. Он уже получил два легких ранения – плечо и бедро, затылок обожгло пулей.

Внезапно беглец увидел свою жертву и замер – он удивился: ему показалось, что он сильно отклонился в сторону. Человек, так похожий на него, оглянулся. Случилось еще кое-что. У Костюма выбили пистолет. Пистолет Костюма з заклинило. Из тоннеля вылетела электричка. Она стремилась в их сторону, как рок, как злая Судьба.

Беглец понял, что у него остались секунды.

– Алекс? Ты? – спросил человек, так похожий на него.

Он вскричал, бросился на жертву. Электричка приближалась слева. Все верно: упавший на рельсы уже не выберется. Беглец выставил руки и уже видел, как жертва отлетает от него, но произошло нечто иное.

Человек, так похожий на него, увернулся, как если бы был тенью. Подножка – и нападавший полетел на рельсы.

Мимо прогрохотала замедлявшая ход электричка.

Он забрался в этот темный закуток, прикрыл за собой дверку. По правилам он должен находиться в темноте, чтобы ничто не отвлекало его, не мешало ответам на вопросы теста.

Голос снаружи казался механическим. Или так лишь казалось из-за прикрытой дверки?

– Начнем. Первая часть теста. Называйте слова, которые сразу приходят на ум, как только вы услышите слова, которые произношу я. Готовы?

– Да, – собственный голос показался слабым, измученным.

– Только отвечайте быстро. Не задумываясь. Итак: начали. Ветер?

– Скорость.

– Яблоко?

– Тыква.

– Боль?

– Ненависть.

– Снегопад?

– Деньги.

– Дом?

– Дочка.

– Поезд?

– Ветер.

– Отлично. Теперь переходим ко второй

части теста. Готовы? Начали. Книга?

– Мудрость.

– Война?

– Стрельба.

– Пещера?

– Дом.

– Красавец?

– Дочка.

– Сыр?

– Мыши.

– Вода?

– Дочка.

– Очень хорошо. Переходим к третьей части теста. Поехали. Гора?

– Дочка.

– Огонь?

– Дочка.

– Мать?

– Дочка.

– Орел?

– Дочка.

– Жизнь?

– Дочка.

– Смерть?

– Дочка.

– Мои поздравления. Вы прошли тест. Теперь у вас есть точка отсчета.

1. ЗАТВОРНИК. ФОТОГРАФИЯ. КОЛЛЕГА

1

Алекс расхохотался. Кирилл поливал фортепьяно пивом, и Алекса уже трясло. Он мог обмочиться, настолько не контролировал себя, лишь эта мысль помогла немного успокоиться. Алекс откинулся на спинку дивана, покосился на свою бутылку пива, но не дотронулся до нее – расхотелось.

Кирилл, довольный выходкой, отдуваясь, как после тяжелой работы, повалился в кресло. Он смотрел на друга, улыбался. В глазах был вопрос: как Алекс оценит увиденное?

– Ну, ты даешь, – Алекс покачал головой.

Улыбка Кирилла стала шире.

– Да что тут такого? Мелочи...

– Конечно, конечно. Не жалко вещь?

– С ней ничего не случится, поверь.

Они замолчали. Пик веселья проходил. Кирилл пошел в туалет, и Алекс, осмотревшись, помрачнел. Странно: они сидят вдвоем давно, и недолгое одиночество, так привычное в его повседневной жизни, показалось чем-то далеким и... пугающим?

Алекс тяжело поднялся. Пора домой. Сегодня – явный перебор. С тем же пивом. Быть может, хорошо вот так поболтать, побеситься, но... Пора домой.

Вернулся Кирилл.

– Уходишь?

Алекс кивнул, отвернувшись – почувствовал странную неловкость.

– Надо нам почаще так сидеть, – Кирилл провел рукой по клавишам, и фортепьяно отозвалось, будто подтверждая его слова: мини-мелодия, одновременно грустная и задорная.

Алекс глянул на Кирилла.

– Надо.

– Мы с тобой, как отшельники: вообще ни с кем не общаемся. Как будто людей боимся.

– Страх тут ни при чем. Просто делом надо заниматься. Всю жизнь не прогуляешь.

Они помолчали. Кирилл хотел сказать что-то еще, немало сказать. Не просто сказать – возразить. Алекс не уходил даже вопреки собственному желанию. Любопытство? Он не знал.

– Ты когда в последний раз вот так сидел, у кого-нибудь? – спросил Кирилл.

Алекс развел руками.

– Не помню. Давненько это было. И что с того?

– Не знаю... – Кирилл опустился на диван, на

друга не смотрел. – Я понимаю, иногда на людей тошно смотреть. Мне тоже... по сути, никто не нужен, но... Постоянно видеть кого-то по скайпу только по работе? И все время торчать одному?

Алекс усмехнулся. Усмешка вышла искусственной, натянутой.

– Что на тебя нашло?

Кирилл покачал головой, но промолчал. Алекс присел в кресло напротив.

– Мне хватает болтовни по работе. По скайпу она или не по скайпу – какая к черту разница? Тебе обязательно похлопать кого-то по плечу, чтобы слышать, что он говорит, видеть, доволен он разговором или нет? Мы же не дети, у всех – работа.

– Кроме друзей-товарищей есть другие люди.

– Родители? Нет уж, уволь – мне достаточно видеть их на мониторе. Мать не станет выяснять, какие на мне штаны, не хочу ли я угоститься вон той булочкой с изюмом и так далее. Мне хватило предков в юности.

– А женщины? Рита, например?

– Рита? При чем тут она? Она такой же деловой партнер, как и любой мужик.

– Уверен? Кто-то говорил, что она к тебе равнодушна, и что ты тоже...

– Кто говорил?

Кирилл отвернулся.

– Забудь.

– Кто говорил? Начал – выкладывай.

– Алекс, я не помню, серьезно. Сам подумай, сколько у меня каждый день болтовни. Что тут упомнишь?

Алекс поколебался, но не стал продолжать. Они попрощались, и он вышел. Странный был осадок. Посидели хорошо, просто замечательно, но болтовня напоследок лишила спокойствия.

Алекс вышел из подъезда длинного дома, осмотрелся. Он жил в соседнем подъезде – идти метров пятнадцать, не больше. Вдалеке, за их районом, готовился ко сну мегаполис. Все меньше движение по проспектам, звуки слабеют. Красноватое зарево освещало половину неба. Как большое уставшее животное, мегаполис затихает. Алекс остановился, глядя вдаль.

Когда он последний раз куда-то выходил? Вспоминалось с трудом. Одним слово – давно. И, похоже, он не жалел об этом. Пока не поговорил с Кириллом.

Что на него нашло? Он помнил, как напрягали его люди, когда по молодости он работал в офисе. Всего лишь лет десять-пятнадцать назад эти муравейники на заводах, в офисах и конторах были обычным явлением. С тех пор цивилизация здорово шагнула вперед. Этот бедлам, к счастью, закончился. Выдохся в течение считанных лет.

Зачем куда-то идти, ехать, если ту же работу человек может выполнить дома? Зачем платить аренду работодателю? Зачем толкаться в метро работнику, искать подходящую одежду, брать еду на день, если можно обойтись без этого?

Раньше этого не было только потому, что не было Инета, скайпа и других подобных вещей. Сейчас даже рабочие, которым необходим станок – если таковые еще остались, – приобретают необходимое и устраиваются у себя дома. Многое на себя взяли курьеры, но это мелочь: увидел, передал, снова остался один – не то же самое, что торчать в одном помещении с одним и тем же человеком днями, неделями, месяцами. Удивительно, что так называемая работа на дому не сразу изменила весь привычный мир.

Алекс прошел к своему подъезду, задержался, глядя на горизонт. Съездить куда-нибудь? Не лучшая идея. Что он там не видел, в городе? Болтаться среди народа лишь потому, что Кирилл навел на него непонятную тоску? У него давно все устаканилось, и менять что-то – лишь нарываться на неприятные сюрпризы.

Когда он вошел в квартиру, перед глазами возникло лицо Риты. Есть другие люди, сказал Кирилл. В самом деле – почему? Алекс прошел в гостиную, присел на тахту, медленно осмотрелся.

Все необходимое под рукой. Удобно, что тут

говорить. Спальня с нормальной кроватью, ванная. Комната, где стоят тренажеры, беговая дорожка, штанга, тут же – бар, заставленный очень и очень неплохо. Пить в одиночку – Алекс не считал это тупиком или чем-то неприличным. Как раз то, что нужно. Кажется, Кирилл сегодня перебрал. У трезвомыслящего человека, которому есть чем заняться, просто-напросто нет времени на всякую ерунду, на что-то незначительное. Кроме почти каждодневной тренировки Алекс постоянно что-то читает, и сколько еще надо одолеть! Еще есть фильмы, музыка. Или 3D-путешествия по малоизвестным странам, когда едва ли не физически ощущаешь, как поднимаешься в гору, пробираясь сквозь диковинные растения, чувствуешь камешки под ногами, влажную жару. Кроме того, Алекс занялся японским языком – эта часть рынка очень заманчива и перспективна, язык же нелегок. Одного японского хватит, чтобы кроме работы ничем больше не заниматься. Нет уж! Даже редкая вылазка с Кириллом – трата времени, пустая и никчемная.

И все-таки – Рита? В конце концов, люди как-то продолжают свой род. Скайпом здесь не обойдешься. Она... ему нравится? Дело же не в одиночестве?

Алекс прикрыл глаза, опустил голову. Что делать? Нет, больше он с Кириллом вживую сидеть

не будет, не до того. Плохая была идея. Что было – то прошло, но лучше быть защищенным, нежели наоборот. В голове почему-то крутились образы предков: прабабушки, прадедушки. Они, в отличие от него, Алекса, не задумывались о подобных проблемах. Не таились, пытались обмануть.

Он посмотрел перед собой и увидел – на столике – фото в рамке. Алекс сфокусировал взгляд. Маленький Алекс с дедом. Оба смотрят в объектив. Дед, улыбаясь, треплет его по голове. Когда это было? И где? Странные ассоциации породили перед внутренним взором смутные и необъяснимые образы. Они скапливались, как безмолвные просители перед домом местного повелителя, разгонять их было бессмысленно – они все равно облепят ближайšie подступы.

Он увидел маленьким не себя... девочку рядом с собой взрослым. Она была на него похожа, он обнимал ее, и они, улыбаясь, смотрели в объектив. Что-то было в ней до боли знакомое, знакомое и родное. Дочка?

Но у него не было детей. Похоже, перепил и Алекс, не только Кирилл. Он покачал головой, прошел в ванную, открыл холодную воду. Выждал, пока она станет максимально ледяной, сунул под струю голову. Несколько раз отстранялся, когда начиналась боль от холода, чтобы тут же повторить.

Вытершись полотенцем, он вернулся в гостиную, опустился на диван. Вроде бы полегчало. Голова точно стала свежее. Холодная вода – это нечто. Алекс глянул на стол. Потер глаза, снова посмотрел.

Фотографии нигде не было.

Алекс пригнулся, заглянул под стол. Пусто. Он встал, осмотрелся, обошел стол, подошел к балкону, убедился, что дверь закрыта изнутри. Он проверил входную дверь: заперто, быстро прошел все комнаты. Нигде никого.

Однако фотографии в рамке не было.

2

С минуту Алекс сидел, ни о чем не думая. Из-за усталости и выпивки это получилось неплохо. Когда он снова взглянул на стол, уверенности, что фотография вообще была раньше в его квартире, не осталось.

Что с ним было? Галлюцинация? Если так, галлюцинация какая-то странная. Слишком реальная? Или галлюцинации такими и бывают?

Алекс подошел к ноутбуку, запустил, глянул на время. Поздно, но не слишком. Он нашел в «контактах» мать, быстро написал ей вопрос. Отправил, спросил, на связи ли она. Мать тут же

отозвалась. Предложила поговорить голосом. Алекс поморщился, ответил, что не надо, он устал и сейчас ляжет спать. Так что насчет деда? Были у него когда-нибудь совместные с дедом фотографии?

Ответ: *«Что ты, дедушка умер еще до твоего рождения. А что случилось? Ты нашел какое-то фото?»*. Алекс: *«Нет, просто спросил. Задумался сегодня о предках, подумал, может, у родителей что-то завалялось?»*. Мать: *«Нет-нет, ты не мог с ним сфотографироваться»*.

Алекс попрощался, выключил комп. Признаться, уверенность, что он ошибся, была хлипкой. Фотография... была? Где же она? Никто не мог войти в квартиру, чтобы забрать какое-то фото. Почему не что-то более ценное? Какой-то дурдом сегодня. Надо себя чем-то занять. Заснуть бы прямо сейчас, но сон вряд ли придет быстро.

Алекс взял в руки телефон. Прежде чем он осознал, что делает, понял, что ищет номер Риты. Кирилл прав? Алексу нужна – пусть иногда – не только болтовня по скайпу. Номер долго не находился – они чаще говорили в основном по скайпу, и пользоваться телефоном не было смысла.

Однако Алекс медлил, когда осталось лишь нажать кнопку. Что он ей скажет? В такое время, когда о работе все уже забыли? Он представил лицо

Риты, вспомнились многочисленные переговоры по скайпу, когда они обсуждали, что делать с тем или иным заказом, либо с тем или иным заказчиком. Стоит признать, с ней – в отличие от многих других коллег – общаться ему было приятнее, веселее.

Она ему нравилась. Нравилась – сомнений не было. Но вживую они ни разу не встречались – поразительно. Зачем? По работе это не нужно, кроме работы их ничего не связывало.

Алекс набрал номер, сбросил. Дыхание участилось. То, что она ему нравится, ни о чем не говорит. Давняя семейная жизнь виделась сейчас, как в тумане. Будто и не с ним это было. Зато до сих пор не забывались ощущения, сопровождавшие его год-полтора после развода. Смятение, внутренняя боль, обида. И некий своеобразный обет, данный самому себе: больше никогда, никогда! Не для него это – постоянно лавировать между своими потребностями и желаниями другого человека, даже просто его присутствием. Кто-то должен кого-то подавлять, а он этого не хотел. Один раз Алекс попробовал, уверенный, что у него-то получится, что у него будет полное и естественное равноправие. Наивный. Подавлять кого-то – то же самое, когда подавляют тебя, только с другим знаком, а энергии тратится столько же.

Наверняка и он вызывает у Риты симпатию. Вряд ли Алекс ошибается. Хотя откуда ему это

известно? Быть может, она с любым из коллег общается так же мило, с улыбкой и без внутреннего напряжения?

И все же какой бы она ни была, пять-десять минут удовольствия в день – точнее раз в несколько дней – не стоят того, чтобы все остальное время, и уж точно все свободное, проводить, как при подготовке большого и бесконечного мероприятия, когда расслабление – лишь иллюзия. И чтобы все было на уровне, нужно что-то делать, просчитывать, предугадывать, стараться, беспокоиться и верить, что все это не напрасно. В молодом возрасте ради оргазма Алекс мог претерпеть не такое, но не сейчас. Так или иначе, все сведется к тому же самому: быт, обыденность, мелкие дразги, обиды и тревоги – и все это постельным приятностям не одолеть.

Алекс услышал гудок – он уже нажал на вызов, приложил телефон к уху. Он поразился, когда это случилось – тело отреагировало быстрее его сознания. Или встретиться с Ритой разок и отвлечься – ничего страшного? В любом случае он лишний раз убедится в правоте собственной позиции.

– Да? – в ее голосе – легкое удивление.

– Привет, Рита.

Она усмехнулась.

– Мы уже здоровались сегодня. Что

случилось? Ты почему не по скайпу?

– Решил по телефону.

– Какие-то вопросы по дизайну упаковки?

Или по тексту?

– Работа тут ни при чем.

Пауза.

– И?

– Просто позвонил, думал... Ты же в соседнем доме живешь, если не ошибаюсь? – он выдавил смешок, но чувствовал себя невероятно неловко, как если бы пытался обмануть ребенка. – И никогда у меня в гостях не была. Зашла бы, посидели бы, выпили. Вот и с Кириллом недавно встречались, я к нему ходил. Весело получилось.

Рита молчала. Он лишь улавливал ее тихое дыхание. Он наверняка поставил ее в тупик, но уверенности в ее реакции не было. На мониторе он хотя бы видел ее лицо, по телефону он казался себе слепцом во тьме.

– Поздно уже... – сказала она. – Спасибо за приглашение, конечно.

– Да, поздновато, – он сделал вид, что смотрит на часы, хотя она его и не видела. – Дело-то к полуночи приближается. Что это я? Может, тогда завтра?

– Не знаю... Посмотрим. Решим завтра.

– Ладно. Завтра.

Он хотел еще что-нибудь сказал, но слова

улетучились. Рита трубку не клала, не прощалась. В ее молчании присутствовало какое-то недоверие. Что он наделал? Не будет ли им теперь неловко смотреть друг на друга, решая вопросы рекламы и клиентов?

– Рита?

– Да?

– Может, ты не хочешь увидеться? Ни завтра, ни послезавтра? К примеру, не любишь куда-то ходить, у тебя есть мужчина или по иной причине.

Она издала неопределенный звук.

– С чего ты вдруг об этом спрашиваешь? Что-то случилось?

– Ничего не случилось. Бывает же что-то в первый раз. Я уже давно хотел об этом спросить.

– Я уже собиралась ложиться. Устала за сегодня, честно. Голова не варит. Завтра поговорим, ок?

Ему захотелось потребовать у нее обещание встретиться с ним завтра, но он удержался. Он и без того переборщил. Быть может, завтра он проснется с другими мыслями и еще пожалеет, что вообще затеял этот разговор с Ритой.

Они попрощались, Рита положила трубка. Он подошел к окну, выглянул. Город уже спал, как и его квартал.

Алекс обернулся, и на какой-то краткий миг ему почудилось, что он увидит фотографию на

столике. Ощущение было каким-то осязаемым. Конечно, на столике ничего не было. Алекс покачал головой.

Ему тоже пора спать.

3

Он смотрел на молодую женщину на мониторе и не мог избавиться от мысли, что она совсем не та, с которой он разговаривал несколько часов назад по работе.

В какой-то момент ему показалось, что он вспомнил сон, приснившийся ему перед пробуждением. Другая женщина? Да, там, во сне, была другая женщина. И она укачивала на руках ребенка – девочку. Почему именно девочку, Алекс объяснить не мог, но думал о ребенке, как о девочке. Кто же была та женщина? Такая знакомая. Похожая на Риту. Но другая.

Дело не в прическе. Рита и без того часто выглядит иначе. Длинные каштановые волосы у нее хорошо вьются. Иногда она оставляет их свободными, как сейчас, чаще затягивает в тугий хвост. Может уложить по-разному, сделать хвостики или вообще спрятать их под тонкую шапочку. Она единственная, кто так часто меняется. Остальные – женщины в том числе –

чаще одни и те же.

И все-таки сейчас она была другая. Причина – психологический подтекст происходящего. Сейчас он позвонил ей не для того, чтобы обсудить, как улучшить рекламный текст, которым недоволен клиент. Днем он едва удержался от упоминания о вчерашнем разговоре, и Рита тоже никак не показала, что держит все в голове. У него даже екнуло сердце: был ли вчерашний звонок? Звонок, конечно, был, но надо ли о нем говорить, если не будет продолжения?

Алекс не был уверен, что продолжение будет, он сомневался до самого вечера. Но позвонил. Иначе его предложение и требование о встрече, которое он сам же не выполнил, будет находиться между ними при каждом следующем разговоре, как посторонний человек, контролирующий любое их слово. Неловкость станет мешать подобно камешку, попавшему в обувь и вызывающему непрекращающиеся неприятные ощущения.

Он позвонил и теперь рассматривал Риту, не зная, как вести разговор. Помехой была ее явная закрытость. По ее глазам Алекс догадался, что Рита вряд ли рада его звонку. Она не хотела говорить? Похоже на то.

Но как она выглядела! Непонятно, почему он раньше никогда не предлагал ей того, что хотел предложить сейчас? Он так давно ее знает! Что за

ступор не позволял ему смотреть на Риту не только, как на коллегу по работе? Неужели прошлая семейная жизнь наложила такой отпечаток-табу на его мужские желания?

– Еще не поздно, если решим встретиться, – прервал паузу Алекс. – Ты как, закончила на сегодня дела?

Она нахмурилась, качнула головой.

– Я хотела позаниматься на беговой дорожке, но... даже на это сегодня нет времени. Надо добить дизайн для сегодняшнего клиента. Босс просил подготовить все завтра к полудню.

Алекс улыбнулся, рассчитывая, что улыбка не выглядит деревянной. Конечно, он все понимает, ничего страшного.

– Ладно... Тогда завалюсь пораньше. Хоть выплюсь первый раз за месяц.

Проблема была в том, что ему чертовски хотелось встретиться с ней. Он не просто на это настраивался – ожидание потенциального свидания что-то разбередило в нем. Так алкоголик, бросивший пить, вдруг поворачивает назад после предложенной – и уже опрокинутой – рюмки. Он хотел увидеть ее вживую. Можно было удивляться, почему подобного желания не возникло раньше, но факт оставался фактом. И он не ждал подобного отказа: беговая дорожка, дизайн.

– Я бы тоже с удовольствием легла пораньше,

но, увы...

– Рита, а завтра? Встретимся? Или... ты на завтра переносишь бег?

Она пожала плечами, глядя куда-то в сторону.

– Не знаю. Дожить надо до завтра.

Он помедлил.

– Извини, задам тебе один откровенный и немного детский вопрос, но мне надо знать. Может, я... тебе, как мужчина не интересен? В этом дело?

Она быстро глянула на него, но взгляд не задержала.

– Причем здесь это? Я просто не знаю, что будет завтра.

Ему хотелось сказать ей что-нибудь обидное, он удержался усилием воли.

– Пока. Удачи, – он отключился, не дожидаясь от нее банального прощания.

Алекс встал, расхаживая вдоль окна. Спокойствие его покинуло. Захотелось выпить. Причем не одному – с компанией. Просто напарник по примитивным посиделкам, большего он не планировал. Без этого не обойтись. Это необходимо хотя бы потому, что так он выкинет из головы Риту. Хотя бы на время. На сегодняшний вечер точно. Завтра можно будет все обдумать и как-нибудь выбраться из неожиданной и странной ситуации. Он не ожидал, что ее возможный отказ окажется для него столь болезненным.

Вызвать кого-нибудь из ребят в офисе? Он перебрал в уме пяток кандидатов. Остановился на Романе. Парень неплохой, толковый, исполнительный. Ему тридцать, не женат и, кажется, ни с кем не живет. Номинально он считался подчиненным Алекса, но все это было именно номинально.

Алекс набрал его номер. Почему-то не хотелось, чтобы парень именно сейчас увидел его лицо.

– Роман? Чем занимаешься?

– Да так, всем понемножку. А что ты хотел? Мы ж на сегодня все закончили?

– Я не по работе. Я по... развлекухе.

– По чем?

– Составь компанию – выпьем. У меня сегодня... особенный день. Так, ничего серьезного, но надо бы отметить. Не пить же в одиночку?

Пауза. В его молчании, казалось, было что-то странное, как если бы он увидел слишком сложное ТЗ – техническое задание – от очередного клиента. Алекс выдавил улыбку, догадываясь, какой его ждет результат.

– Думаешь, как отмазаться? Нехорошо. Я тебя что, каждые выходные по барам таскаю?

– Понимаешь, мне пить вообще нельзя. Желудок не принимает. Я постоянно на диетах.

Улыбка Алекса растаяла. Как мало, в

сущности, он знает о тех, с кем работает, не первый год, между прочим.

– Э-э... Ну, раз такое дело, тогда просто посидел бы, за компанию. С минералкой или чаем.

Опять пауза. В его молчании явственно проступало: его не уговорить.

– Извини, не могу. У меня в девять процедуры, потом я...

– Ладно, счастливо, – Алекс отключился, не желая слушать, что там у Романа еще: черт с ним.

Алекс колебался не дольше минуты. Перед глазами стоял Кирилл, но Алекс твердо решил: только не Кирилл. Казалось, именно он разбередил спокойствие Алекса, он и виноват во всем.

Алекс по скайпу набрал Николая – второй кандидат после Романа. Живет в соседнем квартале, правда, женат, но остальные точно отпадают. Николай ответил после продолжительного звонка. Они кивнули другу – днем уже несколько раз «пересекались» по работе, – и Алекс, сразу переводя все в шутливую форму, заявил, что Николай кое-то ему должен. У того округлились глаза.

– Ты про деньги?

Алекс хмыкнул.

– Ты мне еще и денег должен? Расслабься, я приглашаю тебя к себе, чтобы не пить в одиночку.

Сегодня я кое-что отмечаю. Ты же не очень далеко живешь? Только не говори, что занят до потери сознания.

Николай оглянулся через плечо. Там, за его спиной, смутно угадывалась неплотно прикрытая дверь.

– Не в обиду. Жена не пустит. Будет скандал до неба, так что...

Алекс отвел взгляд. Только не выдать себя, насколько он зол. Это будет странно, что он так вцепился в потенциального собутыльника. В офисе могут пойти разговоры. Ему это не нужно.

– Ок. Привет жене.

Алекс прошелся по квартире. Зайти к кому-нибудь из соседей? Он даже не знал, кто живет на его площадке, кто сверху, кто снизу. Поразительно, он изредка видел людей только из окна, слышал шаги на лестнице, стук дверей, голоса на соседних этажах, смутные и далекие. Он не знал о соседях ничего: ни состава семьи, ни возраст, ни внешность.

Выходит, пришло время познакомиться хотя бы с теми, кто живет у него на площадке? Похоже на то. Алекс вздохнул, взял бутылку в руки, вышел из квартиры. Перед дверью соседей он остановился: что он скажет? День рождения? Десять лет свадьбы, а жена уехала по работе? Он не знал.

Алекс нажал на звонок, так и не решив, что

именно он придумает. Посмотрит по обстоятельствам, смотря, кто ему откроет.

Ему никто не открыл.

Алекс – его переполняла глухая раздражающая злоба – спустился на второй этаж, снова позвонил в дверь. С тем же результатом.

– Вы что, все сговорились? – шепот получился хриплым и болезненным.

4

Алекс медленно спустился вниз, вышел из подъезда. Непроизвольно – он не собирался ничего проверять – посмотрел на окна. Свет. И в соседской квартире напротив, и в той, что втором этаже. Там были люди, но ему никто не открыл. Почему? Ощущение, что его избегают, казалось самым правдоподобным.

Он шагнул назад к двери, помедлил, по домофону набрал номер квартиры, в которую звонил сначала. Гудки длились секунд десять.

– Кто? – раздался женский голос.

От неожиданности Алекс вздрогнул: был уверен, что все закончится, как и со звонком во входную дверь, но до того, как хозяйка отключилась, он проговорил:

– Доброго вечера. Это ваш сосед, из квартиры

напротив. Извините, что беспокою. Хотел лично с вами познакомиться. Некрасиво как-то – столько рядом живем, но друг друга не знаем.

Пауза.

– Вы здесь?

– Я очень занята. Мне даже разговаривать некогда.

– Но я...

– Я очень занята.

Она повесила трубку домофона. Без «спокойной ночи», без «извините» или других слов, которые могли бы компенсировать ее гнетущее состояние.

Алексу хотелось заорать в освещенное окно, проклиная ту самую тетку, из-за которой его древо желаний сегодняшнего вечера оказалось подрублено на корню. Он уже набрал номер, но в последнее мгновение нажал «сброс». К черту! И все же он попробовал набрать номер другой квартиры, на втором этаже. Здесь вообще никто не отозвался. Он отступил, поглядывая в освещенное окно. Отключили домофон на ночь? Или в их квартале завелся маньяк, о котором Алекс ничего не знает лишь потому, что не смотрит телевизор, не слушает новости, не читает газет? И почему люди просто отгородились в своих квартирах от внешнего мира? Точь-в-точь, как сам Алекс. В принципе не так уж он и отличался от других

людей. Тех, кто сидел дома и никуда не выходил, становилась все больше.

Алекс двинулся прочь от дома. Он не особо планировал направление, просто шел по району, как изредка случалось с ним в последнее время. Он просто гулял, если так это можно было назвать, его прогулки всегда приходились на время близкое к полуночи. Он присел на бордюр фонтана, занимавшего центральную часть небольшой площади, вокруг которой выстроились дома. Скамейки возле фонтана пустовали. Вокруг – никого.

Фонтан тихо шуршал за спиной. Подсветку уже отключили. Обычно после темноты и до полуночи фонтан был цветной. Красные струи сменялись комбинированными зелеными и желтыми, те, в свою очередь, становились розовыми и голубыми. Приятное глазу зрелище. Однако – сколько Алекс помнил – никто не выходил полюбоваться фонтаном. Изредка он мельком видел молодую мамашу с ребенком в коляске, и все.

Алекс перегнулся, опустил руку в воду. Тепловатая, как дома из-под крана. Ему оставалось лишь одно: вернуться домой и выпить в одиночку. Перед внутренним взором возник Кирилл. Алекс покачал головой, прикрыв глаза, как если бы отвечал на реальный вопрос стоящего рядом

человека. Только не с Кириллом. Если уж все отвернулись от Алекса, как он отвернулся от всех, значит, так тому и быть.

Он поднялся. Медленно пошел назад. При мысли о спиртном Алекс признался, что его кое-что сильно точит. Он давно отмахивался от своих посиделок с самим собой и бутылкой виски. Он не напивался до беспамятства, всегда принимался на следующий день за работу так, как если бы вчера ничего особенного не происходило. Алкоголь на него никак не влиял, однако некая зависимость – еще смутная, слабая и слишком далекая, чтобы воспринимать ее всерьез – обозначала себя, с каждым разом все увереннее, отчетливее. Ему хотелось одернуть самого себя, но в глубине души он давно прочитал: не алкоголик, но близок к этому, опасно близок.

Алекс оправдывал себя, что ему надо не просто расслабиться, напиться и так далее, скорее, он получал удовольствие от самих напитков. Тот же виски. С ним был вообще парадоксальный случай.

Однажды – кажется, где-то у Хемингуэя – Алекс прочитал слова главного героя, которыми явно говорил автор: *что может быть лучше виски* ? Алекс помнил свои ощущения. Тогда ему было лет двадцать шесть, и он готов был оживить Хемингуэя, вытащить из могилы, чтобы потом отправить его туда обратно собственноручно. У

него в голове не помещалось нечто, что утверждало: виски – классная, уникальная вещь. Какая чушь! Тогда это было неоспоримо. Минуло менее пятнадцати лет, и что мы видим? Алекс пробовал многое из спиртного, однако предпочитал виски. И теперь готов был подписаться под утверждением Хемингуэя. Это было нечто. Он говорил прямо противоположное и никогда бы не подумал, что его мнение так изменится. Он готов был топтать человека, сказавшего нечто подобное, но прошло время, и слова постороннего, чужого человека стали точно такими же, что сказал бы он сам.

Алекс встал, пошел к своему дому. Когда он подходил к двери подъезда, послышался звонок телефона. Алекс глянул на экран, поморщился, все же снял трубку.

– Чего тебе?

– Поговорить, – сказал Кирилл. – Это важно.

– Не сейчас.

– Я и не говорю, что сейчас. Завтра. Только обязательно. Я еще кое-что проверю и... Я зайду к тебе сразу после работы.

– Давай по скайпу.

– Нет, Алекс, надо встретиться.

– Мы же только вчера виделись. Чем тебя скайп не устраивает? Пить я все равно не буду.

Пауза.

– Кирилл?

– Я тут кое-что узнал... Кое-что странное.

Нам надо увидаться.

– Ты о чем?

– Не по телефону. До завтра.

Алекс смотрел на мобильник в руке. Внутри появился необъяснимый дискомфорт. Что же этот чужак хочет ему сообщить? Что-то в его голосе было необычным. Стоило признать: Кирилл его заинтриговал.

Что ж, завтра Алекс все узнает.

2. УБИЙСТВО. ПАРОЛЬ. СТЕНА

1

Алекс посмотрел на часы: если Кирилл собирался зайти, уже самое время. Он набрал мобильный Кирилла, но после десяти гудков сбросил вызов. Скайп Кирилла тоже молчал. Куда же он делся?

Спустя полчаса Алекс снова набрал Кирилла, не получил ответа и вышел на улицу. Зашел в соседний подъезд, поднялся к нужной квартире. Он не смог бы объяснить, зачем это делает. Кирилла нет – занят, по-видимому, и, когда освободится, перезвонит. Вряд ли он сейчас дома, иначе его

скайп был бы включен, как и во время работы. И все же Алекс не смог удержаться, чтобы не проверить, так ли это.

Никто не открыл. Алекс повернулся, затем по инерции коснулся двери рукой. Дверь поддалась – она не была плотно закрыта. Алекс постоял, глядя в образовавшуюся щель.

– Кирилл? – он просунул голову внутрь. – Ты часом не заснул?

В одной из комнат – кажется, спальня – горел свет. Значит, хозяин дома. В самом деле, задремал?

– Ты здесь?

Алекс прошел к спальне, дверь и тут не была полностью закрыта. Он заглянул. И застыл.

Он шарахнулся, подавшись к входной двери, на пороге остановился. В ногах появилась слабость, захотелось сесть прямо на пол. Дыхание, учащенное и тяжелое, казалось, стало громким настолько, что его должны были услышать соседи.

Ему померещилось?

Он знал, что увиденное было реальностью, но странная, неправдоподобная надежда толкнула его назад. Стараясь не дышать, он вновь заглянул в комнату. И прикрыл рот ладонью. Он задержал дыхание, но все равно металлический запах крови, густой и плотный, как жидкость, заполняющая сосуд, проник в него, вызвав тошнотворный спазм. Алекс крепился, крепился, но пришлось сдаться:

подался в кухню, но до раковины не добежал – его вывернуло прямо на пол, возле мойки. Легкий перекус, который и ужином назвать было нельзя, оказался извергнут.

Спазмы прекратились, Алекс выпрямился, взял полотенце, вытер рот. Открыл холодную воду, подставил под струю лицо, прополоскал рот, вытерся. Полегчало, и он вынудил себя вернуться, хотя понимал, что ни в чем убеждаться не надо: Кирилл мертв, лежит с перерезанным горлом возле компьютерного стола, зажимая шею руками. Под телом здоровенная лужа, и даже не верится, что в человеке может быть столько крови.

И все-таки даже в теперешнем состоянии, когда мысли метались, как ошалевшие насекомые, которых выкуривают с помощью дыма, Алексу хватило хладнокровия выяснить: есть ли рядом с Кириллом нож? Он не верил в самоубийство, но, если ничего металлического и остро заточенного рядом с телом не окажется, ответ однозначен: Кирилла убили.

Он дышал ртом, когда вошел и приблизился к телу. Взгляд скользил, ни на чем не останавливаясь дольше секунды. Так обезумевшее животное мечется по горящей траве.

Ножа нигде не было. Существовал теоритический вариант, что Кирилл, перерезав себе горло, выбросил нож в окно – прошел, несмотря на

боль, пару шагов, открыл окно, избавился от ножа, закрыл окно, вернулся к столу. Единственной проблемой оказалось отсутствие пятен крови между телом и окном.

Алекс достал телефон из кармана, набрал номер полиции. Он хотел выйти из комнаты, но почему-то возникло ощущение, что он поворачивается спиной к другу, когда тот просит помощи. Алекс остался. Спазмы и вид крови – ничто в сравнении с тем, что испытывал, умирая, Кирилл. Можно и потерпеть. Возможно, ему придется описывать то, что он увидел, посему лучше не ходить туда-сюда.

Отозвался низкий мужской голос, представившийся лейтенантом отдела убийств. Алекс назвал адрес и сообщил, что обнаружил приятеля убитым.

– Вы сейчас на месте убийства? – спросил лейтенант.

– Да. Я вижу его тело. Рядом нет ни ножа, ни лезвия... Это убийство...

– Постойте с выводами. И помолчите. Отвечайте только на вопросы. У этого человека есть компьютер и скайп?

– Да. Он в этой же комнате.

– Хорошо. Включите его, если у вас получится. И покажите мне это камерой. Только не отключайте связь.

Алекс подавил дрожь. Впрочем, это было здравая просьба. Стоило признать, с полицейским, на которого пришелся звонок, Алексу повезло: соображает. Он шагнул к компьютеру, всмотрелся. С телефоном у правого уха нажимать на кнопки почему-то оказалось неудобно, хотя у себя дома Алекс использовал для этого одну руку, никак не обе.

Компьютер ожил, Алекс вошел в скайп.

– Готов, – сказал он в трубку. – Включил.

– Добавьте меня в список контактов, – лейтенант медленно, разборчиво продиктовал свой скайп.

Алекс ввел имя, обождал секунд десять. На мониторе появилось лицо: эспаньолка на подбородке, крупный нос, маленькие, глубоко посаженные глаза. Полицейский не мог быть ему знаком – Алекс его не помнил, однако его внешность показалась настолько ожидаемой, как если бы это уже происходило раньше: Алекс добавлял человека в скайп, смотрел на него, разговаривал. Теперь даже голос казался не таким чужим. Конечно, это было лишь ни к чему не обязывающее дежа вю, сама обстановка и труп могли вызвать любые странные ощущения. Алекс воспринял все это спокойно, не пытаясь вспомнить, откуда он мог знать лейтенанта.

– Теперь приподнимите монитор и слегка

наклоните верхнюю часть вперед. Вот так... Теперь ближе поднесите, только угол не меняйте.

Алекс выполнил все, как просил полицейский. Он постарался замереть, но руки быстро налились тяжестью, время вдруг растянулось.

– Держите, держите. Только не трясите. Надеюсь, монитор у него не золотой, обычный. Потерпите.

Алекс терпел. На лбу выступила испарина, одна капля поползла вниз, норовя закатиться в глаз. Алекс зажмурился. Сколько он там будет рассматривать? Фильм что ли смотрит? Что смотреть-то? Если только удовольствие получает, разглядывая чужую кровь. Кайф от того, что не своя собственная?

– Хорошо, поставьте на место.

Алекс с видимым облегчением вернул монитор на место. Вытер лицо, глянул на лейтенанта – тот пристально разглядывал Алекса.

– Назовите, будьте добры, ваше полное имя. Полное количество лет. Место учебы или работы. Свое семейное положение.

Алекс все назвал. Лейтенант записал данные в блокнот, просмотрел их, вновь обратил внимание на Алекса. Заглянул в какой-то свой файл у себя в компьютере.

– Насколько вижу, судимостей у вас нет. С полицией прежде дел не имели?

– Нет.

– Дверь была не заперта?

– Да. Прикрыта, но не заперта.

– По какой причине вы к нему пошли?

Насколько могу судить, люди такого типа, как вы и ваш... приятель, сейчас больше разговаривают по скайпу, а не навещают друг друга вживую?

Хороший вопрос, мать твою. Похоже, лейтенант лишь начинает въедаться, ввинчиваться, как клещ в тело жертвы. Что ему сказать? Правду? Или... Похоже, вилять смысла нет, тем более, так легко запутаться, и этот полицейский, чего доброго, обвинит Алекса в самом худшем.

– Кирилл хотел сообщить мне что-то важное. Вчера позвонил и сказал, что зайдет ко мне после работы. Сам. Вживую, как вы говорите.

– И?

– Он не пришел. И я пошел к нему.

– То есть? А позвонить? Вызвать сначала по телефону, если скайп не включен?

– Я звонил. Телефон молчал. Что-то меня подтолкнуло. Обычно он на связи, когда ни вызовешь. А тут вчера у него голос был странный. Я и...

– Странный? Точнее.

– Ну, не знаю... Удивленный и... Может, немного испуганный?

Молчание.

Лейтенант

обдумывал

услышанное. Алекс вспомнил еще деталь.

– Я ему сам предлагал, мол, давай по скайпу поговорим. Тем более что недавно виделись у него. Пиво пили.

– А он?

– Сказал, что надо вживую.

– Хорошо. Спасибо за информацию, Алекс. Оперативно, надо сказать. Сейчас я вызываю по адресу вашего приятеля наряд. Сам туда подъеду. А вам надо возвращаться домой.

– Домой? А... вопросы по... этому делу?

– Все, что надо, на первое время, я у вас узнал. Спасибо. Уходите, только ничего не трогайте. Ваши отпечатки в нашей базе данных имеются, так что пока вас не побеспокоят. Если что-то понадобится, я вам позвоню. Все ясно?

Алекс кивнул.

– Компьютер не выключать?

– Вы правильно поняли. Спасибо.

Алекс повернулся, медленно вышел из комнаты. На пороге обернулся. Лейтенант смотрел на него с монитора. Ждал, когда тот покинет квартиру?

Алекс вышел, и лишь на улице исчезло ощущение, что его подталкивают в спину.

Он вошел в подъезд Кирилла, замер на лестнице, прислушался. Алекс все еще сомневался, правильно ли поступает.

Минуло три дня, ничего не изменилось, но на каком-то уровне все стало иным. Алекс не смог бы объяснить, в чем конкретно это выразалось, но было достаточно осознания одного лишь факта, что человека не стало, единственного, с кем Алекс хотя бы изредка встречался вживую.

Кто-то убил его.

Потому что Кирилл хотел что-то рассказать Алексу.

Нельзя сказать, что сомнений в этой версии у Алекса не было, но их становилось меньше, они слабели с каждым днем – по мере того, как он снова и снова прокручивал в памяти последний разговор с Кириллом. Что мог такого важного – и опасного для других – сообщить Кирилл? Даже примерного ответа у Алекса не было, но парня убили не потому, что ограбили квартиру, убили неслучайно. Существовал некий ответ.

Поначалу Алекс рассчитывал на лейтенанта и следствие. Что-то полицейские должны были бы выяснить. Он ждал звонка, но его не было, и вчера Алекс позвонил сам. Лейтенант не был невежливым, но разговор едва ли продлился минуту. Полицейский сказал, что следствие идет,

рано пока о чем-то говорить, и что Алексу позвонят, как только в этом возникнет необходимость. Алекс хотел поговорить о том, может ли это дело попасть в разряд «нераскрытых преступлений», хотел спросить, если хоть какие-то зацепки или предварительные версии, но лейтенант рассматривал какие-то бумаги одновременно с разговором, и Алекс не решился быть слишком навязчивым. Пожалуй, день-два можно подождать.

И только проснувшись утром, Алекс – у него было четверть часа, чтобы поваляться в кровати – догадался, что лейтенант *не хотел с ним разговаривать, пытаясь быстрее прервать контакт*. Он лишь делал вид, что вчитывается во что-то одновременно с беседой по скайпу. И хмурился не потому, что пытался сосредоточиться на всем сразу.

Это показалось Алексу настолько ясным, что он сел в кровати, глядя перед собой в одну точку. Происходящее вокруг этого события – убийства Алекса – выглядело каким-то... странным?

Фальшивым – вот подходящее определение.

Два дня назад Алекс говорил по скайпу с родителями Кирилла. Прежде он их, конечно, не знал, и сейчас счел необходимым выйти с ними на контакт, предложив свою помощь. Говорила в основном мать Кирилла – седая маленькая женщина в возрасте. Отец, хмурый, с большой проплешиной

на голове, сидел подле нее, хмурился и почти все время молчал. Женщина постоянно прикрывала лицо платком, и некоторые слова звучали невнятно. Когда Алекс спросил, когда и где состоятся похороны, мать заявила, что похорон не будет. Вернее, не будет в их классическом варианте – с родственниками, близкими, с поминками и застольем. Кирилла просто похоронят, на могилу придут только родители и старшая сестра.

Стыдно признаться: в тот момент Алекс испытал облегчение. Он меньше всего хотел сейчас ехать куда-то, здороваться с незнакомыми людьми, с которыми больше никогда уже не встретится в своей жизни, произносить соболезнования родителям своего друга, смотреть на постные физиономии и украдкой поглядывать на часы. Одно то, что его избавили от этого одним махом, показалось огромным плюсом.

Он уже давно слышал, что даже похороны и свадьбы все чаще переносятся в виртуальное действо, и люди все реже затрудняют себя этими многочисленными скоплениями вживую. Особенно похороны – все-таки веселиться вместе куда ни шло, а вот то, где сплошной регламент и правила, где основа посиделок – горе, легче пропустить.

И все-таки родители Кирилла не показались ему настолько продвинутыми, их горе порождало потребность видеть лица вживую, а не на мониторе,

почувствовать чьи-то руки, выпить в память о сыне с кем-то плечом к плечу. Почему же они решили поступить иначе?

Кроме родителей и действий полиции Алекса смутила и реакция коллег по работе. Никто о Кирилле не говорил вообще. Да, они все выходили на связь строго по работе, по графику, у них не было лишней минуты, и все-таки они еще недавно работали вместе с Кириллом, хотя бы дань уважения можно было и отдать. Практически каждый, с кем Алекс заговаривал, быстро сворачивал тему, утверждая, что не успевает по работе. Казалось, домой они уезжают на автобусе, и, если опоздать на него, будет задержка, но каждый из них находился дома и никуда опоздать просто не мог.

С Ритой вышло иначе. Когда Алекс заговорил с ней о Кирилле, она попросила перезвонить ей вечером, после работы. Это выглядело хотя бы по-человечески. Однако вечером Рита сослалась на то, что у нее сильно разболелась голова, а таблетки она принимать не любила. Алекс не знал, что и думать. Все от него как-то ускользали, ставили на пути невидимые, но непроходимые препоны. Он опасался, что и сегодня вечером Рита найдет некий предлог, вполне правдоподобный, чтобы не говорить о том, о чем не хочет говорить. Или не должна.

И Алекс ей не позвонил. Он надеялся, что она позвонит сама, но близилась полночь, а этого не случилось. Пока он ждал, ему и пришла мысль что-то сделать самому. Он не сразу подумал о том, чтобы войти в компьютер Кирилла, поискать что-нибудь в переписке электронной почты, в скайпе, в каких-нибудь личных файлах, если таковые обнаружатся.

Все это сформировалось в сознании, когда он уже собирался выходить из квартиры. Конечно, полицейские забрали компьютер Кирилла или же удалили файлы, в которых могли быть хоть какие-то сведения и зацепки, но выбора уже не было: Алекс настроился сделать хоть что-то. Он просто хотел войти в квартиру друга и осмотреться. Ничего, что лейтенант уже просмотрел электронную почту Кирилла и унес компьютер. Этого следует ожидать.

Алекс остановился перед дверью, в очередной раз замер, прислушался. Соседи Кирилла спали, во всяком случае, никого слышно не было. Алекс достал ключ. Странно, что он вообще о нем вспомнил – Алекс дал ему запасной ключ от своей квартиры более полугода назад. Это был скорее каприз, нежели надобность. Кирилл объяснил это тем, что раньше уже терял ключи, и уж лучше в затруднительной ситуации по возвращении домой заскочить к соседу-приятелю, нежели вызывать

соответствующую службу или ломать дверь. Ключ кушать не просил и много места не занимал. Алекс взял дубликат на хранение и забыл об этом.

Он вставил ключ в замочную скважину почти бесшумно. Пришел бы он сюда без ключа? Алекс не мог сказать. Вскрывать чужие замки он не пробовал. Он медленно повернул ключ два раза. Дверь была не заперта.

Алекс вошел внутрь. Встав на пороге спальни, где он нашел тело Кирилла, Алекс одернул руку от выключателя. Снаружи кто-нибудь мог увидеть свет в окне квартиры Кирилла, случайно или нет. Алекс задернул шторы. Если кто-то следит за окнами, он все равно заметит чье-то появление. Но выбора у Алекса не было.

Алекс включил свет, осмотрелся. Компьютер был на месте – не забрали. Там ничего важного нет или лейтенант все почистил и нужное скопировал. Велик шанс, что там вообще уже ничего нет, но Алекс шагнул к компьютеру, включил.

Перед тем, как сесть у монитора, Алекс прошел по квартире, заглянул в шкаф, комод. Вещи Кирилла по-прежнему находились здесь, но ничего, что дало бы Алексу хоть какую-то информацию, не оказалось. Как он и ожидал.

Алекс присел за компьютер. Очень похоже, что никто из файлов Кирилла ничего не удалял. Целая вереница файлов по работе, какие-то игры,

музыка, фильмы, книги. Алекс щелкнул «мышкой» по файлу «личная переписка». Файл не открылся, вместо этого на экране возникла короткая надпись: *«Введите пароль»*.

Алекс замер, глядя на два слова посреди экрана. То, что он искал? Или там, за этим паролем, ничего нет? Лейтенант одолел эту преграду или ему это не понадобилось?

Время пошло, он сидел и не двигался. Алекс взглянул на часы. Он в квартире Кирилла больше получаса, и большую часть этого времени просидел перед монитором. Полчаса пролетели фантастически быстро, даже не верилось. Насколько ему казалось, в таких ситуациях время наоборот растягивается неимоверно.

Алекс отвернулся, прикрыл глаза. Требование пароля мешало ему. Надо расслабиться. Что для Кирилла было важным? Какие-то имена? Даты? Места? События? Какое слово могло подойти?

Спустя четверть часа Алекс покачал головой, поднялся со стула. Ему хотелось плакать, настолько было обидно. Как оказалось, он вообще не знал своего друга. Быть может, друг – слишком громко сказано, у Алекса не было друзей, но Кирилл – единственный человек, с кем доводилось общаться. Как бы Алекс не избегал контактов вживую, с Кириллом это изредка случалось, и нельзя сказать, что Алексу это было неприятно, что он этого не

хотел. Он прожил половину жизни, был женат и развелся, но к этому моменту у него не было человека, которого он знал, как знают кого-то из близких.

Он даже примерных, черновых вариантов пароля не мог предложить. Даже выстрелы вслепую исключались. Он еще не покинул квартиру лишь потому, что странная слабость сменилась оцепенением: он двигался, как в толще воды. Вот значит, насколько плохо он знает даже того, с кем общался. Такое ощущение, что он – единственный в мире живой человек, а все вокруг – фикции. Это, конечно, не так, но со своим одиночеством он запечатал себя, как настоящий отшельник. Такого затворника надо еще поискать – сам добился того, что людям до него не добраться, и теперь...

Алекс замер. Он уже коснулся пальцами дверной ручки, готовый покинуть квартиру ни с чем, но будто наткнулся на невидимую, но непреодолимую преграду.

Настоящий отшельник? Затворник? Как там говорил Кирилл в их последнюю встречу?

«Мы с тобой, как отшельники – вообще ни с кем не общаемся. Как будто людей боимся». Почему-то это слово, отшельник, вызвало странную реакцию, как если бы Алекс что-то нащупал в полной темноте.

Он медленно обернулся, посмотрел на

компьютер. Расстроенный, он его даже не выключил. Посчитал, что это не имеет смысла, хотя все равно должен был выключить. Неужели догадался? Уверенности не было, можно только проверить.

Алекс вернулся, присел, посмотрел в монитор. Медленно ввел слово «*Отшельник*» . Нажал «ввод» . Система дала ответ «*пароль неверен* » . Алекс закрыл глаза на пару секунд, медленно качая головой. Он ошибся.

Или использовать слова-синонимы? Алекс ввел запрос. И получил немало вариантов: *пустынник, пещерник, анахорет, нелюдим, скитник, затворник*. Большинство были редкими словами и вряд ли подходили для использования пароля. Впрочем, Алекс настроился использовать все по порядку – все равно иных вариантов не было. После «отшельника» он почувствовал, что это все равно неверное направление.

Он решил начать с варианта «*Затворник*» .

Система застыла. На экране высветилась надпись: «*Пароль верный*».

3

Алекс убедился, что не ошибся и доступ к переписке Кирилла получен. Он не ожидал этого.

Настраивался на то, что зря пришел в квартиру, все его потуги ни к чему не приведут, и внезапно в последний момент получил доступ.

Он проверил с десяток писем, суматошно, щелкая с одного на другое и обратно. Ничего. Обычная переписка с боссом, родней, коллегами. Непонятно вообще к чему было сохранять эти письма.

Разочарование стало заполнять Алекса, как тьма заполняет углы и впадины после захода солнца. Обидно после той надежды, которую породило преодоление пароля. Странно, зачем Кирилл вообще использовал пароль для всей этой ерунды? Или тут все-таки что-то есть?

Алекс заглянул в раздел «Черновики» . Там было единственное письмо с пометкой «*послать адресату*» . Алекс открыл его. И замер.

Кирилл собирался послать это письмо – вернее переслать – Алексу, но... почему-то не переслал. Адресат, от которого Кириллу пришло письмо, называл себя просто: *Неизвестный* . Его электронный адрес не сказал Алексу ничего. Адрес был незнакомым. Алекс никогда не писал на этот адрес и никогда не получал с него писем.

Однако... незнакомец планировал встретиться с Алексом.

Алекс понял это, как только пробежал первые строчки. Усилием воли он отстранился. Спокойно!

Это что-то любопытное, именно то, что он искал. Ради чего и пришел сюда. Нужно вчитаться, не спешить и обдумывать все, что он узнает. Алекс осмотрелся, прислушался. По-прежнему стояла тишина, но желание переслать себе это письмо и уже дочитать дома, без помех, стало мощным, как наваждение. Алекс даже бегло дочитывать не стал. Лучше уйти. Он нашел, что искал, и разумнее не рисковать.

Алекс переслал письмо на свой электронный адрес, убедился, что оно благополучно доставлено, выключил компьютер, удалился из квартиры Кирилла. Его преследовала мысль, что он не все проверил в компьютере друга, но Алекс не позволил страху разрастись и вынудить его вернуться.

Дома он запер дверь, проверил, что никто снаружи не войдет – чего не делал никогда прежде, – глотнул воды и поспешил к компьютеру. Он получил письмо, которое переслал себе от Кирилла, открыл его.

Текст показался достаточно сбивчивым, хотя и понятным. По-видимому, после требования, чтобы Кирилл устроил Неизвестному встречу с Алексом, автор письма отвечал на многочисленные вопросы оппонента. Странно, что у Кирилла своего письма не оказалось. Удалил? Возможно. Теперь о вопросах самого Кирилла можно было

догадываться, анализируя ответы Неизвестного.

«Ты думаешь, что хорошо устроился? Но в реальности всех этих людей нет. Ты – вовсе не тот, кем себя представляешь...»

Ты сидишь в норе, из которой только я могу помочь тебе выбраться...

Помоги мне поболтать тет-а-тет с Алексом, и я помогу тебе выбраться. Поверь, сам ты ничего не сможешь. Не сможешь просто потому, что ты, как слепой котенок: остается лишь тыкаться, но это ни к чему не приведет...

Не спрашивай, почему я сам не выйду с ним на связь. Он должен увидеть меня впервые лично...

Давай, Кирилл, телись быстрее. Не веришь – сам проверь. И убедишься, что я ничего не выдумал. Такое, брат мой, выдумать просто нереально...»

Алекс откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Кажется, начиналась головная боль. Сердце бухало, как после пробежки или... испуга. Спокойно. Не спеши, подумай. Но спокойствия не получилось. Внутри будто произошел взрыв: все

скрутилось в тугой комок – то ли боль, тошнота или пустота. Подобного Алекс еще не испытывал.

Он встал, подошел к окну. Если прислониться к стеклу щекой, виднелся фонтан. Казалось, Алекс слышал тихое шуршание падающей воды. Где-то вдалеке вздыхал город, затихал, но еще не заснул полностью. Еще нет и трех ночи – слишком рано для мегаполиса. Еще не выдохся окончательно.

Что вообще там написано? Откуда это? Такая странная шутка?

Но в реальности всех этих людей нет. Ты – вовсе не тот, кем себя представляешь...

Не веришь – сам проверь. И убедишься, что я ничего не выдумал. Такое, брат мой, выдумать просто нереально...

Что за хрень? Алекс улыбнулся, но, даже не видя себя со стороны, знал, что улыбка вышла вымученной. Если эти слова Неизвестного – глупость или шутка, почему же Кирилл убили? Почему Кирилл настаивал на какой-то встрече? Почему все вокруг ведут себя так странно?

Алекс помедлил, глядя на компьютер, выключать не стал, обулся и покинул квартиру. Он еще не понимал, что хочет предпринять. Заорать, чтобы люди выглянули из своих нор? Отправиться туда, куда не ездил?

Ты сидишь в норе, из которой только я могу помочь тебе выбраться...

Как это? Что это означает?

Алекс осмотрелся. Пошел между соседних домов. Путь лежал через пустырь: подстриженная трава до самого кустарника, за которым тянулся неудобный склон к шоссе. Обычно – если нужно было покинуть район пешком – люди пользовались тротуаром, который выводил к проспекту километра через полтора.

Вот и кустарник. Почти незаметная тропка проходила сквозь заросли. Алекс остановился. Было темно, слабый отсвет не желающего засыпать города давал мало света. Алексу пришлось напрягаться, чтобы видеть дорожку под ногами. Несмотря на усиливавшееся желание послать все к черту и вернуться домой, он пошел дальше. Сейчас он выйдет на дорогу, пройдет еще дальше, убедится, что страх, порожденный чьей-то чудовищной фантазией, не имеет никакой основы, посмеется над собой и вернется, чтобы завалиться спать.

Что-то коснулось его руки, груди, и Алекс отпрянул, застыл. Он протянул руку, коснулся... ветвей? Визуально перед ним было темное пространство, тянувшееся до самого шоссе. Перед ним *ничего не было* .

Алекс сделал шаг. Ветви кустарника обступили его со всех сторон. Еще шаг. Он вошел в густой кустарник, которого здесь не было. Вернее

он здесь был, но раньше, днем, Алекс его тут не видел. Как не видел его и теперь, только чувствовал руками, грудью, ногами.

Сердце заколотилось, спина стала холодной. Алекс пошел дальше. Продрался несколько шагов, сломал пару ветвей. И ударился головой обо что-то твердое. Он глухо вскрикнул, неосознанно схватившись за голову. Медленно вытянул руку. Пальцы коснулись прохладной шершавой преграды. Камень. Стена из камня.

– Это вообще бред... – шепот получился хриплым, чужим. – Не может быть...

Он подался в сторону, вправо. Трещал возмущенный кустарник, шуршала листва. Стена. Алекс подался влево еще дальше. Преграда была на месте. Он подпрыгнул – стена тянулась вверх. Он прошел метров двадцать. Стена не заканчивалась.

Алекс выбрался из кустарника на открытое пространство, качая головой. Он все еще чувствовал себя так, что кто-то, устроивший глупый – пусть и удивительный – фокус, никак не хотел закончить со своим представлением. Пора бы уже, но беспредел не заканчивался. Нет, он не верил и никогда не поверит. Этого не может быть. Бред! Дьявольщина!

Он опустился на траву, глядя перед собой. Попробовать еще раз? Но есть ли смысл? Будь Алекс под воздействием спиртного, он бы

рассмеялся, но он был трезвым, и даже вымученного смеха у него не получится. Чудовищная ложь, вот что ему хотелось заорать. Но он не заорал. Что-то будто сдавило горло – оттуда не вырвется ни звука, пока не придет утро.

Он выдернул пучок травы, вырыл немного земли, скатал в ладонях – получился неплотный комочек. Алекс запустил комочек. Спустя мгновение послышался глухой хлопок – земля разлетелась от удара о стену.

Алекс медленно, неуклюже поднялся. Казалось, из него выпили всю энергию, как выпивают воду из стакана. Спать. Вот что ему сейчас необходимо – заснуть. Все остальное – неважно. Будь оно все проклято. Он поковылял через пустырь назад к своему дому и ни разу не оглянулся.

Во сне он водил девочку – дочка? – по верху невысокой полуразрушенной стены. Она визжала от восторга, требуя все новые и новые круги, он же не мог расслабиться: боялся, чтобы она не оступилась.

4

Он знал, что должен это сделать, иначе просто чокнется. Если не чокнется, по меньшей мере,

покоя ему не будет. Жить с этим дальше, ничего не предпринимать и пытаться сделать вид, что ничего не изменилось – все равно, что получить ножом в спину и надеяться, что с куском металла в теле можно делать то, что запланировал до удара.

Время за полночь, но сегодня ему предстояла та еще работенка – лучше начать пораньше. Ощущение, что он раздваивается, было мощным, неодолимым и вызывало боль. Душевно-физическую боль, если таковая возможна для человека. И он не знал чему верить, к чему прислушиваться. Две правды, как две матери, каждая из которых утверждает, что именно она – родная, душили его, разрушая привычную Вселенную, где истина может быть лишь одна.

Утром он напоминал себе парня после перепоя. Во рту – гадость, в голове – тяжесть, хочется лечь и снова закрыть глаза, послать всех и вся к черту и не вставать до следующего утра. Пожалуй, лишь надежда что-то выяснить и заставила его встать. Как оказалось, все может быть еще хуже.

После необходимых утренних переговоров с коллегами и боссом Алекс поставил в скайпе значок «не беспокоить», вызвал такси и вышел из дома. Спустя минуту подъехало такси. Оперативно.

Алекс помедлил, глядя между домов: оттуда он пришел ночью. Таксист, небритый парень не

больше тридцати, не выказывал удивления этой задержкой. Просто смотрел перед собой, сидя за баранкой, и ждал. Мало ли почему клиент медлит? Клиент всегда прав – золотые слова не только для таксистов. Ради эксперимента, сам не зная, зачем ему это, Алекс выждал еще минуты три, не меньше. Никаких изменений. Водитель даже не обернулся ни разу. Такое чувство, что он не видел Алекса и ждет, когда клиент выйдет из дома. Что ж...

Алекс забрался в салон, назвал адрес своего босса. Машина плавно тронулась, водитель так и не сказал ни слова. За стеклом своего отделения парень казался каким-то ненастоящим. Алекс затаил дыхание, когда они покидали квартал. Машина выехала на проспект, влилась в поток. Дома остались позади. Машина свернула на первом перекрестке, район Алекса скрылся из вида.

Закружилась голова. Хотелось, чтобы машину остановили – выйти и подышать. Алекс подался к переговорному устройству.

– Извините, можно на минутку остановиться?

– Здесь запрещено. Нет места для остановок.

Потерпите, мы скоро будем на месте.

Алекс откинулся на спинку, снова подался вперед.

– Скажите, вы давно работаете? Много приходится ездить по городу?

– Приходится.

Алекс не смог бы объяснить, что он хотел добиться таким вопросом. Давно он не ездил в такси. Он всмотрелся в прохожих, во встречные машины, в здания. Все выглядело реальным, живым и таким... знакомым? Еще бы, он уже ездил этой дорогой пару лет назад, пока не перешел на работу исключительно дома. Если нужно было доставить документы шефу, он пользовался услугами курьера. К чему тратить собственное время на катание на машине? Лучше за это время выпить чашку кофе, послушать музыку, прочитывать десяток страниц книги.

Какого же черта за домами некая стена, которую даже не видно? Смысл? Он может спокойно выйти за пределы района или выехать на машине.

Именно в тот момент он решил: поздно вечером он разберется с этой стеной. Чем бы она ни являлась. И что бы ни случилось в течение дня. Здесь и сейчас, в этом такси, его дела тоже не были завершены, и он настроился выжать в теперешней ситуации по максимуму.

Такси свернуло с проспекта в небольшую улочку, миновало один квартал, остановилось у нужного подъезда. Дома и узкие проулки здесь напоминали старый город. Солнце заглядывало сюда только в летний полдень. Алекс открыл дверцу, посмотрел вверх. Квартира шефа была, если

он не ошибался, на пятом этаже. Вон его балкон, густой темно-синий цвет, окна – белые. Давно он здесь не был.

– Мне же вас подождать, – водитель говорил утвердительно.

Алекс замешкался, но подтвердил. Он подошел к подъезду, набрал номер нужной квартиры. Звонок длился минуту, не меньше.

– Да? – голос шефа, недовольный, даже злой, заполнил все пространство.

– Это я. Решил проветриться вместо курьера.

– Хорошо. Оставь бумаги в ящике.

Алекс скосил глаза. Справа от двери к стене крепился ящик по типу общего почтового. Сейчас, во времена, когда бумажные документы становились редкостью, не было смысла в почтовых ящиках, как в прошлом. Хватало одного – им все равно практически не пользовались, очень редко, один-два человека, не больше.

– Постойте, – Алексу показалось, что шеф вот-вот даст отбой.

– Что еще?

– Извиняюсь, что без приглашения. Хотелось увидеться вживую, может даже напроситься на чашечку кофе. Раз уж я приехал.

Пауза, возникшая после этих слов, казалось, заполнила пространство не хуже раздраженного голоса. Еще ничего не сказав, своим молчанием

шеф более чем дал понять, что думает по поводу предложения Алекса.

– Ты отвлекаешь меня.

– Босс, понимаете, я...

– Сегодня такой напряженный день, – он даже не слушал, что ему пытался сказать Алекс.

Твою мать, у тебя – как и всех нас – каждый день – напряженный.

– Босс! Мне надо поговорить с вами наедине.

Есть тема.

– Не сейчас!

– Когда же? Я стою внизу, прямо под дверью.

– У меня работа. Я не могу уделять сотрудникам по личным вопросам даже пару минут в день. Не могу!

– Это не личный вопрос!

– Не важно. Все можно обсудить по скайпу позже.

– Я хотел не по скайпу!

– Не ты устанавливаешь правила.

– Господи, да впустите меня на две минуты, и все!

– Ты меня слышал. У меня работа!

И босс отключился. Неимоверным усилием воли Алекс сдержался. Он хотел заорать, чтобы слышали все соседи. Был вариант позвонить кому-нибудь еще, чтобы дверь в подъезд открыли, а уже с дверью квартиры он разберется. Хотелось

позвонить боссу на мобильный и высказать все, что Алекс о нем думает.

Он не сделал ни того, ни другого, ни третьего. Внутри этого взрыва, который зарождался с невероятной скоростью, как ни странно, возникла необъяснимая пустота. Казалось, кто-то легонько остановил его за плечо, остановил посреди вихря, который не замер, но продолжал бушевать в ином измерении. И Алекс смог проанализировать ситуацию до того, как совершил что-нибудь непоправимое.

Алекс не подозревал у себя подобных способностей. Что-то небывалое. Он *увидел*, чем закончится каждый из вариантов. Самое главное, он понял, что ни на шаг не приблизится к тому, чтобы понять причину происходящего, не раскроет загадку смерти Кирилла, и это не считая того, что он просто может лишиться работы и устоявшейся жизни: нормальной квартиры, режима дня, достатка. Он разобьется о стену, подобную той, что остановила его ночью, и ни одного плюса в этом минусе не получит.

Алекс медленно отступил, глядя на домофон, как если бы смотрел в глаза босса. Взгляд, как называют его банально, испепеляющий, полный ненависти, мог смутить босса, но домофон оставил равнодушным. Алекс отвернулся, сел в такси.

– Назад. Ко мне домой.

Таксист ничего не прокомментировал, разворачивая машину.

К счастью, в течение дня Алексу не пришлось связываться с боссом, только со своими подчиненными. Он не был уверен, что глядя в лицо босса на мониторе, он вновь остановит себя небывалым хладнокровием. Он был уверен в обратном.

Так или иначе, он ждал вечера, и этот вечер настал. У подъезда Алекс замер. Район спал. Свет горел в считанных квартирах. Лишь одно окно светило в доме Алекса. Сегодня народ отбился раньше, чем обычно, но это хорошо. Тихо шуршал фонтан. Где-то тянула свою песню цикада, грустную и одинокую. Пахло какими-то цветами. Обычный вечер, не считая того, что Алекс задумал нечто необычное, не представляя даже, чем это может закончиться.

Он направился между домами. Как в прошлый раз. Лучше начать с того же места. Когда он прошел примерное ожидаемое расстояние, и преграды еще не было, появилась надежда, что нет тут никакой стены, и вчера случился некий фокус сознания. Успокоение ленивой волной поползло внутри, захватывая все больше и больше. Он такой болван! Вчера был какой-то глюк. И письма Неизвестного – бред, порожденный сидящими в Сети бездельниками. Иначе и быть не может. Это

настолько ясно, что...

Кусты – невидимые, но отнюдь не порожденные сидящими в Сети бездельниками – заставили его отпрянуть. Он тихо выругался. Возникшая надежда хоть и просуществовала лишь десять-пятнадцать секунд, оставила после себя едва ли не физическую боль и опустошение. Проклятье! Все-таки она есть, эта стена.

Алекс выбрал левое направление. Он продвигался медленно. Ему приходилось продирается между преградой и кустарником, это было неудобно. Тьма отчасти помогала: он лишь смутно различал пространство, которое тянулось там, где проходила стена. Если Алекс сосредотачивался на ощущениях шершавой стены, которая тянулась рядом с ним, пытался ее увидеть, возникало неприятное ощущение сродни тому, когда пытаешься рассмотреть предмет, поднесенный к самому носу. Его мутило, и он просто шел, стараясь не мучить себя вопросом, когда же и где стена закончится. При этом он все же следил за тем, что было по левую руку.

Спустя недолгое время он понял, что обогнул свой дом и пару соседних по периметру. Он видел фонтан, тускло поблескивавший в темноте. Скоро подсветку отключат полностью. Алекс повернул под прямым углом в третий раз. Моральное состояние стало гнетущим. Неужели он не ошибся?

Неужели он выйдет к тому же месту, откуда ушел?

Алекс остановился, упершись спиной о стену, закрыл глаза. Захотелось выйти из кустарника и пойти домой. Просто уйти и все. Лечь спать и обо всем забыть. В самом деле, что он хочет узнать? Он понимал: это лишь момент слабости, но в любом случае, он не уверен, надо ли ему копать в некую неизвестность. И ради чего он это делает? Усталость и нежелание дальше таскаться среди ночи навалились на него физической массой, он даже сделал шаг-другой, чтобы покинуть невидимый кустарник.

Но остановился. Он вспомнил о Кирилле. Его убили. Неясно, продвигается ли расследование, чем все это закончится? Стыд, как нечто физическое, развернул Алекса обратно, к стене. Он здесь не в последнюю очередь из-за смерти друга. Возможно, единственного друга. Он должен сделать хоть что-то, хотя бы разобраться с этой стеной до конца.

Алекс пошел дальше. Очередной поворот – и сомнения исчезли. На всякий случай он заставил пройти себя до того места, откуда начал. Он вышел из кустарника, тяжело дыша. Лишь сейчас он осознал, насколько вспотел – как после пробежки.

Он жил в месте, которое окружала стена. Без единого прохода. Как же он видит город вдалеке? И как уезжает отсюда на машине? Алекс опустил на землю, упер голову в подтянутые к подбородку

колени и закрыл глаза.

3. ПОВЫШЕНИЕ. НЕИЗВЕСТНЫЙ. НАПАДЕНИЕ

1

Алекс поглядывал на тротуар за окном такси: люди, детские коляски, велосипедисты, вывески магазинов, рекламные надписи, мусорные баки. Все, как всегда.

Стоило Алексу закрыть глаза на пару секунд, как перед внутренним взором возникали смутные образы, порождавшие дилемму. Происходящее – то, что он видел – противоречило здравому смыслу, если за здравый смысл взять вчерашний поход вдоль стены.

Или вчера это он каким-то образом противоречил своей обычной реальности?

Этого не могло быть, как не могло быть и вчерашнего, однако происходило и то, и другое, и Алекс не знал, что он будет делать дальше. Пожалуй, пока он должен сосредоточиться на предстоящей встрече с боссом. Вот еще что выглядело странным и противоречило обычной реальности Алекса.

Утром, обсудив с боссом первоочередное

задание Алекса и дальнейший план на день – на сегодня фигурировала лишь одна фирма по производству женской одежды, хотя в течение дня все могло измениться, как бывало не раз, – Алекс уже хотел отключиться, когда собеседник спокойно и между делом сказал ему, что хотел увидеть сотрудника у себя лично. Желательно сегодня. Нельзя сказать, что Алекс едва не поперхнулся, но, если бы он что-то ел в этот момент или пил, случилось бы именно это. С трудом Алекс подавил желание расспросить шефа подробней. Кто знает, не испугнул бы он его. Лучше воспользоваться тем, чего всего лишь день назад Алекс тщетно добивался. Воспользоваться и не спрашивать, почему же босс не пустил Алекса вчера.

Вечером, когда они выезжали с района – где же стена? – Алекс задержал дыхание, глядя перед собой, но машина проехала к проспекту без происшествий. Алекс перевел дух и сосредоточился на пешеходах. Что он хотел в них увидеть? Какую-то зацепку? Алекс не знал.

Вот и дом шефа. Казалось, со вчерашнего визита минуло гораздо больше времени, нежели один день. Выбираясь из такси, Алекс почувствовал уверенность, что сейчас босс, ответив по домофону, попросит его прибыть в другой раз. Внезапная занятость оправдывает его, а пару извинений закроют тему. На этой работе с ее суматошным ритмом

бывает и не такое.

Босс не попросил прибыть в другой раз, он предложил подняться и дал доступ в подъезд. Когда Алекс вошел в квартиру, босс поднялся из-за компьютера. Насколько Алекс мог судить, хозяин квартиры смотрел какие-то новости. Босс подошел, пожал руку. Высокий и еще достаточно молодой для крупного руководителя, босс выглядел неплохо. Единственное, что его портило – выпиравший из-под рубашки живот, который на фоне крепкого, поджарого тела смотрел чужеродно. Этот «недостаток», впрочем, без проблем скрывали хорошо сшитые костюмы.

Жестом босс предложил садиться. Алекс опустился на светло-коричневый диван, утонув в нем. У босса было чисто. Любопытно, он один живет или кто-то все же есть? Для холостяка, который слишком занят работой, что-то уж сильно вылизано. Или специально готовился к его приходу? Конечно, всегда можно нанять домработницу, но как это сочетается с полным уединением?

– Я тебя вот по какому делу позвал. Хотел, так сказать, лично сообщить.

– О чем?

– О твоём повышении.

Алекс не сразу понял, о чем речь. С проблемами последних дней, порожденными

убийством Кирилла, он забыл о многом, не только о работе. И о потенциальном уходе на другую работу начальника отдела продаж тоже.

– Константин-то наш уже готовится перейти на другое место, – босс улыбнулся, медленно прохаживаясь вдоль окна.

Алекс кивнул.

– Думаю, он это заслужил.

– Да, бесспорно, но речь не о нем. Я уверен: ты его заменишь, и работа станет еще более эффективной.

– Это что, уже решено?

– Сегодня с утра я, первым делом, провел маленький такой опрос. Понятно, без твоего участия. И вот – результат, вуаля: ни один из твоих коллег не высказался против.

Алекса это заявление оставило равнодушным. Еще бы. Кто и когда высказывался против чьей-то кандидатуры, которую предлагает босс? Дело даже не в какой-то боязни или неловкости, просто – не имеет особого значения, кто будет руководить. Система давно так налажена, что личность командующего – у которого подчиненные сидят по домам и предоставлены в основном сами себе – ничего не меняет. Так себе показатель. Повысить можно кого угодно.

– Так что... – босс осекся: заметил, наконец, реакцию Алекса. – Ты что это? Еще в раздумьях?

Брось. Брось, Алекс. Кто-то же должен меня выручать.

Босс хохотнул, и Алекс не выдержал, настолько реакция этого человека оказалась заразной – тоже улыбнулся. Босс подмигнул ему – прямо давний напарник по личным посиделкам.

– Ладно, слушай. Это только кажется, что работы прибавится. Тебе нужно будет всего лишь проверять с десятков отчетов каждую неделю. Боже, да это лишний час-полтора по пятницам или четвергам, и все. И за это – зарплата повысится на двадцать процентов. Двадцать, Алекс! Нет, он еще думает. Ну, нельзя так, право слово, – он снова хохотнул. – Да я тебя собственными руками задушу, если откажешься.

Алекс не сдержал очередную улыбку. Однако в душе он не улыбался. Арифметика шефа невольно отправила его в давние подсчеты, иногда не к месту всплывавшие у него в голове.

Что дают ему лишние деньги? Если бы у него была мизерная зарплата, любая прибавка была бы необходимой. Но сейчас? К примеру, у него три пары обуви на каждый сезон. Теперь он позволит себе четыре пары? Добавит рубашек, футболок, курток? Быть может, лишний раз позволит себе очень дорогой ликер или виски многолетней выдержки. Вот и все. Детей у него нет – копить ничего не надо. Жилье есть, и он никогда не

испытывал потребности иметь сразу несколько квартир или домов – только возни прибавляется, а не практической пользы. Ездить, он никуда не ездит – хватает информации в Сети, фильмов, 3D-путешествий, да и вообще – в молодости он наездился, честно говоря.

– Деньги никогда лишними не бывают, Алекс, – сказал шеф.

Алекс не обратил на него внимания. Шеф подошел к своему бару, открыл, стал возиться, предоставив своего гостя самому себе.

Все эти возможности, которые увеличиваются соответственно доходам – фикция. Ложь, если быть честным и называть вещи своими именами. Человек может съесть не больше, чем вмещается за один раз в его желудке. Надеть на себя не больше одного костюма. Сесть и поехать лишь в одном автомобиле. Заняться сексом не больше чем, с одной женщиной – здесь, правда, кто-то поспорит, однако в определенный момент времени мужчина может обладать лишь одной женщиной, если даже рядом находится другая. Конечно, существуют припасы, однако те, кто в силах забить кладовые до конца самой длинной предполагаемой жизни, вряд ли останавливаются на каком-то количестве. Такое чувство, что люди набивают свои карманы не на одну реальность, а на их бесконечное количество.

Шеф звякнул стаканами. Алекс посмотрел в

его спину и почему-то вспомнил покойного деда. Воспоминание получилось таким свежим, ярким, как если бы разговор был вчерашним. Алекс не помнил, с чего вдруг дед затеял с ним такие разговоры – с мальчиком семи лет. Но это не имело значения, главное – суть сказанного отпечаталось в его сознании надолго.

Кажется, они чем-то занимались, строгаили или вытачивали в сарае, и дед успокоил внука, что им повозиться от силы полчаса, после чего – отдых хоть до самой ночи. По словам деда, в прошлом, давным-давно, люди работали гораздо меньше. Им хватало на прокорм, на одежду, на вещи первой необходимости. Они не вкалывали с утра до вечера, в этом просто не было необходимости. Быть может, были авралы в определенные моменты, например, уборка урожая, но в любом случае цейтнот и работа от зари до зари не длилась годами – это был лишь небольшой промежуток времени, за который человек не мог вымотаться. Усталость-то ведь *накапливается*.

Люди были *счастливее*. В этом сомнений у деда не было. Что же изменилось? Путь, по которому пошло человечество, вынудил каждого индивидуума подстраиваться под общее движение. В результате: потребности возрастали и возрастали, если даже в этом не было необходимости, вектор к глобализации и навязанная необходимость делать и

получать, делать еще больше и снова получать больше, породили бесконечный круговорот, когда человек увеличивает время и объем выполняемой работы. И объем, и количество своих потребностей.

Алекс, казалось, видел даже морщинки на лице деда, курчавые волосы на его предплечьях, закатанные рукава рубашки, слышал запах стружки. Он будто переместился из квартиры босса в сарай деда.

Тогда он не понимал, что именно говорит ему дед, конечно, не понимал. Прошли годы, Алекс повзрослел, получил неплохую и удобную работу. И лишь теперь осознал, что дед был абсолютно прав. Система незаметно подгоняет каждого из них, держа перед носом пряник. Вернее сейчас она держит перед носом сотню пряников, две сотни и стимулирует, добавляя к двум сотням еще две-три штуки. Неважно, что человек не съест столько пряников – если даже найдется, куда их положить, большая часть пропадет и не понадобится, пока до них дойдет очередь. Однако лишний пряник – тоже пряник, и человек ускоряется, выжимает из себя все возможное. Это давно уже стало образом жизни большинства. Давным-давно.

Шеф повернулся, в руках он держал два граненых стакана. Он поставил их на стол, снова отвернулся, выудил бутылку с прозрачной жидкостью. Приподнял ее, рассматривая на свет.

– Чем я тебя сейчас угощу, дорогой мой. У-у-у... Отметить-то надо не абы чем, согласен?

– Мы уже отмечаем?

Шеф даже слегка переменялся в лице, прищурился, глядя на сотрудника. Едва слышно колыхнулась жидкость в бутылке.

– Разве нет? Ты еще думаешь? Нет, брат, брось ты это. Ну, бред это: тебе дают, а ты отказываешься. И для чего?

У Алекса две сотни пряников, ему предлагают еще два пряника, взамен – вместо десяти километров он должен пробежать десять с половиной. Шило на мыло. Примерно так воспринимал это Алекс. Он уже думал отказаться, но вспомнил о Кирилле. В конце концов, он пока не поставил подпись, возня с документацией займет неделю, не меньше, пока же он должен выяснить, что только можно. И в первую очередь, с помощью шефа – именно этот человек общался с Кириллом чаще всего. Дальше видно будет. В крайнем случае, черт с ними, с этими десятью с половиной километрами вместо десяти – выдержит, разница невелика.

– Так что? – спросил шефа, и снова жидкость в бутылке колыхнулась.

– Если все за нас решено... Если отмечать не рано...

– Не рано, самое время, – шеф оживился. –

Знаешь, что это?

Алекс покачал головой. Шеф поставил бутылку на стол и хлопнул в ладоши.

– Это, друг мой, подарок от тети, она под Гомелем живет. Это всамделишный натурпродукт, – босс хохотнул. – Она у меня спец по этим делам.

– Самогон что ли?

– Точно! Только пойми: виски, шотландский, штатовский или какой там еще, ничем не превосходит белорусскую или украинскую самогонку. Конечно, если люди готовили ее для себя, имея за плечами опыт. Виски и самогон, знаешь ли, родные братья. Причем, еще вопрос, кто из них старше и мудрее. Сейчас оценишь. И, если не согласишься со столь дерзким утверждением, ну... вылей тогда эту самогонку в мою лживую рожу.

Теперь они расхохотались одновременно.

Алексу показалось, что он видит босса совсем с иной стороны. Сейчас, вблизи, а не на мониторе, он показался живее, мягче что ли. Быть может, по скайпу они лишь говорят по делу, теперь же все выглядело естественнее, менее официально, и это сказалось. Алекс даже почувствовал к этому человеку жалость. Босс – такой же винтик системы, его точно так же подталкивают со спины, держа перед носом три сотни пряников и добавляя к ним еще три единицы.

– Что ж... – Алекс подался вперед. – Наливайте. Чего уж там. Но потом не обижайтесь, если что.

Босс поспешно плеснул в стаканы.

– Не обижусь.

Они подняли стаканы, чокнулись и выпили.

2

Все его чувства обострились, и он слышал, как шуршит песок под ступнями верблюда. Пустыня тонула в безмолвии, бесконечном, как само Время. И тянулось во всех направлениях бесконечно. Если можно было как-то физически представить Бесконечность, для нее лучше всего подходила эта пустыня.

Но он был конечным существом, живым, и он хотел жить. Он испытывал страх, потребность в еде и воде. Особенно в воде. За последние минуты – или часы? – эта потребность усилилась и уже сводила его с ума. Он уже не мог ее игнорировать.

Ситуацию ухудшало и то, что потребность в воде, кажется, испытывал верблюд. Насколько он помнил, животное не пило вообще, во всяком случае, в последние дни. Верблюд едва одолел очередной бархан, по спине прошла дрожь, странное – и очень неприятное – кряхтение

вырывалось у него из горла. Становилось ясно: ему нужна вода, хотя бы немного.

Воды осталась одна фляга. Он растягивал ее, растягивал, но потребность организма была неумолима. Последний раз он пил, кажется, утром и понимал, что больше часа-двух ему не выжить. Где-то внутри головы, ближе к затылку, зарождалась тупая, разраставшаяся боль. Эта была еще не боль, что-то вроде восхода боли: так тьма ночи перед самым рассветом становится серой, бледнеет, чтобы вскоре уступить иным краскам. Однако сомнений не осталось: скоро к жажде в помощь придет сильнейшая головная боль. Быть может, причина в солнечном ударе, в перегреве. Так или иначе, прежде чем боль убьет его или просто подкосит на долгие часы, он должен спастись. Вопрос был в том, кому дать воды: себе или верблюду?

Если он не попьет, верблюд, скорее всего, привезет к оазису труп. Если же попьет он, животное просто не дойдет, куда нужно, и он вместе с ним. Это был замкнутый круг, но в любом случае воды мало: ее не поделить. Или он, или верблюд.

Он остановил животное гортанным возгласом, похлопал его по горбу, за которым сидел. Верблюд неуклюже опустился на колени – было в его движениях что-то, утверждавшее, что животное

может больше не подняться. Он спрыгнул на песок. Звук, с которым его ноги ударились о песок, раскатился гулким эхом. Казалось, пустыня ткнула в него невидимым шершавым пальцем: ты! Она будто поставила печать на его сердце, на его душу. Она его заклеимила.

Он нащупал фляжку на поясе, сделал пару шагов, встал напротив морды зверя. Рука стала чужой: она держала небольшой предмет мертвой хваткой: она не желала отдать его. В этой фляжке сейчас заключалось все. Жизнь и смерть. И продолжение жизни. Отобрать этот предмет у своей же руки будет нелегко, почти нереально.

Верблюд смотрел на него умоляюще, умоляющим был даже терпкий запах зверя, даже его ноздри шевелились умоляюще. Если бы верблюд мог отвинтить крышку, он бы сбил человека с ног и отобрал воду. Однако воду ему человек мог дать лишь по собственной воле.

Они смотрели друг другу в глаза, и он осознал, что верблюд знает его дилемму, не так, как знал бы человек, а по-особенному. Верблуду ничего больше не оставалось, как ждать. И он ждал. Ждал, что решит человек.

Он снял флягу с ремня, медленно поднял ее, взвесил. Как мало воды. Жидкость, которая является одной из главных составляющих жизни, если не главной, но на которую так мало обращают